

Письмо из Лондона.

В начале года общественное мнение Англии было почти исключительно занято событиями в Афганистане. В особенностях интересуются здесь темы, что — какъ в Москве, такъ въ Берлиѣ, Парижѣ и другихъ столицахъ приспособились закулисную организацію афганскихъ пропагандистскихъ искусствъ Джона Була. Съ большой ревностью и краснорѣчіемъ опровергаютъ эти западнорѣчія.

«Обнинія нѣмецкой печати, пишетъ национальная *Nation*, «намъ мало понятны, ибо они исходятъ изъ предположенія, что Англія выходитъ слабой и расщепленной Афганистаномъ. На самомъ дѣлѣ для британской интересуетъ существенно, чтобы Афганистанъ въ качествѣ буржуазного государства былъ сильенъ и упорядоченъ. Другая газета, тоже только радикального направления, пишетъ: «У Англіи только одинъ интересъ къ Афганистану, а именно сохраненіе мирныхъ и дружественныхъ отношеній въ этомъ опасномъ углу. За послѣдніе годы отношенія съ Амануиломъ были дружественными и болѣе обезспечеными, чѣмъ въ первомъ долгомъ времени. Теперь никто не знаетъ, что произойдетъ дальше; ибо, при фактическомъ управлении мурзъ, съ восточно-западной границы британской Индіи, повинному, предстоитъ испытать по мѣдью подразумѣнія».

Все это предполагается вполнѣ доказательнымъ и все же съ этимъ трудно согласовать то обстоятельство, что одновременно цѣльный рядъ лондонскихъ газетъ публикуютъ разоблаченія, выясняющія, что король Амануилъ въ 1910 году спѣшилъ попытку произвести наимѣнѣе на Индію съ целью насилиемъ опрокинуть англійское управление. Къ счастью, — выясняется англійская печать, — это намѣреніе было отменено долгое время. Теперь никто не знаетъ, что произойдетъ дальше; ибо, при фактическомъ управлении мурзъ, съ восточно-западной границы британской Индіи, повинному, предстоитъ испытать по мѣдью подразумѣнія».

Все это предполагается вполнѣ доказательнымъ и все же съ этимъ трудно согласовать то обстоятельство, что одновременно цѣльный рядъ лондонскихъ газетъ публикуютъ разоблаченія, выясняющія, что король Амануилъ въ 1910 году спѣшилъ попытку произвести наимѣнѣе на Индію съ целью насилиемъ опрокинуть англійское управление. Къ счастью, — выясняется англійская печать, — это намѣреніе было отменено долгое время. Теперь никто не знаетъ, что произойдетъ дальше; ибо, при фактическомъ управлении мурзъ, съ восточно-западной границы британской Индіи, повинному, предстоитъ испытать по мѣдью подразумѣнія».

Другой вопросъ иностранной политики, доставившій непрѣятельскую минуту не мало числу англійцевъ, — заключающій вѣдомо между Германіей и Южной Африкской торговой логовъ. Разсужденія подозрительныхъ могутъ быть приблизительно такъ формулированы: «договоръ явно приворѣнъ принципу, согласно которому британскій доминіонъ обязалъ исчезнувшій предоставить наибольшее благоприятствованіе британской имперіи. Статья же во второй части договора, ставящая въ торгово-политическомъ отнѣшеніи чуждое государство, Германію, на ту самую ступень, на которой стоитъ Англія и другія части Британской имперіи. А дополнительный простокъ даже обязываетъ Южную Африку применять въ будущемъ къ южноафриканскимъ товарищамъ особо благоприятствующіе тарифы, если таковы будутъ примики и соотвѣтствующими товарищами англійскими. Къ сожалѣнію, можно опасться, что южноафриканцы, члены южноафриканского правительства, этотъ случай представятъ особо благоприятствующимъ, чтобы дать возможность демонстрировать свои враждебныя британской империи чувства. Если бы въ ближайшемъ будущемъ логовъ бы отвергнули южноафриканскій парламентъ, то только изъ оппозиціи къ

упомянутымъ враждебнымъ Англіи лицамъ, а не въ результатѣ какихъ либо наладъ, выработанныхъ изъ Лондона». Примѣрно таѢкъ разсуждаєтъ большинство газетъ. Недовольство англичанъ нѣмецкой торговыи конкуренціей, въ особенности, когда она переносится на британскую территорию, не можетъ удивлять. Но это недовольство не вполнѣ соответствуетъ стоящему преобразованию принципу свободы морской торговыи и многое сказанное въ послѣднее время противъ заключенія германо-южноафриканского договора оправдываетъ настроение, напоминающее *«figur britisches»* времена войны съ бурями.

Что касается внутренней политики, то вопросы предстоящихъ выборовъ заслоняютъ всѣ другие. Консерваторы вступили въ избирательную кампанию и ведутъ ее энергично съ уѣздами въ побѣдѣ. За постыдную неѣлью трои видѣвшихъ лидеровъ партии Стэнли Балдинъ, Невилъ Чемберленъ и сэръ Самуэлъ Горъ выступили съ большими рѣчами. Рѣчь Балдинъ была вступлениемъ ко всей кампании. Онъ поставилъ ее исключительно вопросу, рабочему классу промышленности, каковъ движение она характеризовалась, какъ важнѣйшую задачу, стоящую передъ Англіей. И въ самомъ дѣлѣ, за послѣдній годъ признались рабочему классу промышленности статья въ Англіи исключительно популярна. Теперь за словами должны послѣдовать дѣйствія. Разумѣется, говоря о рабочему классу промышленности, Балдинъ понимаетъ подъ этимъ, согласно консервативному воззрѣнію, умѣренный и постепенный процессъ отличный отъ национализации, къ которой въ послѣдніемъ стремятся социалисты. Поэтому въ эту разу Балдинъ воспользовался обстоятельствами, чтобы снова съ величайшей энергией вступить противъ плановъ трудовой партии. «Я предупреждаю рабочему классу, говорить опѣ, обѣ опасности политическихъ ошибокъ въ минуту, когда передъ английской торговыи снова открываются перспективы нового процветанія». Больше всего, отчѣбѣтъ Балдинъ, должеъ англійскому народу осознать катастрофическую опасность, вытекающую для всей страны изъ социалистического плана национализации банковъ. Поэтому спасеніе Англіи можетъ быть выражено двумя словами: избрание консерваторовъ.

Безспорно болѣзнь короля, благодаря монархической «войнѣ симпатій» прошедшой во всѣхъ странахъ, нѣсколько улучшила шансъ консерваторовъ по сравненію съ осеню прошлаго года. Но зато произошло за послѣднюю недѣлю и то, что, для инѣхъ времена. Прежде всего снова возросло число безработныхъ больше, чѣмъ въ стотысячъ человѣкъ. Оно достигло полумиліона. Выѣхъ съ тѣхъ, поинизились цифры иностраннѣй торговыи, казавшихъся начальемъ этого года гораздо менѣе благоприятными, чѣмъ въ началѣ прошлаго. Наконецъ, подлинно разумная мѣра консервативного правительства, обширный налогъ поинженіи налоговыхъ тяготъ (de-rating bill), оказалась столь плохо формулированной и столь плохо предложеніемъ, что уже теперь ее можно признать неконкурентной и едва ли приводить повышать избирательные шансовъ

консерваторовъ. Все это мало обнадеживаетъ и, собственно говоря, Стэнли Балдинъ склонялся бы съ обзначеніемъ смотреть на будущее. Ноѣль, какъ известно, англійскому духу свойственна не это согласіе: какъ бы въ кулачи не попасть, а потомъ очень просторная изба можетъ начальству поднабѣть Пеккану, еще реквизиуютъ. Лучше ужъ такъ въ тѣснотѣ.

Крестьяне уѣбждаются меня привлечь къ моей избѣгать связи, чтобы попросторѣ было. Ноѣль, какъ известно, это согласіе: какъ бы въ кулачи не попасть, а потомъ очень просторная изба можетъ начальству поднабѣть Пеккану, еще реквизиуютъ. Едва ли будешь ошибкой сказать, что только одинъ *«Berliner Tageblatt»* и занимается *«Саламандрами»*.

А парижскія газеты все еще заняты душево между собой по поводу *«несостоявшейся дуэли»* Гуковъ съ Денисовымъ. *«Посл. Нов.»* снова поинзываютъ на видимъ мѣстѣ сотни строкъ этой дуэли и объясняютъ впередъ дать еще объясненіе и отвѣтъ.

Современные записки XXXVII

...«Въчера на балконѣ, я каждый разъ сношу и снова, до нелѣмѣнія, даже по изѣкѣ которой мухи, дивясь на красоту ночи: чѣмъ это такое и что съ этимъ дѣлать! И я теперь испытываю чѣмъ подобное въ таѣніи ночи. Что же было тогда, когда все это было вновь, когда было такое обоняніе, что отчѣбѣвалъ запахъ росистаго лопуха отъ запаха сырой травы...»

Выискиваю эти звучные, лушистые слова, проникнутыя такой жадностью до красоты, такими бунинскими волнистыми, — и кажется выискала-бы, если-бы было можно, одну за другой, вѣсъ этихъ потрясающе-прекрасныхъ страницъ *«Лизинъ Арсеньевъ»*, по прі愈加льямъ къ нимъ писавшихъ, по качеству ихъ, высокихъ ихъ себѣ, вызываютъ чувство подобное чувству молодаго Арсеньева передъ совершилось лунной ночи: не выразить. О смerti и о соловьяхъ, о бархатно-фиолетовомъ язычкѣ, где ложитъ *«чѣтъ, съ по-кою скроющими и замѣкѣющими въ чернилахъ сюртучныхъ облагораживъ руками, и о «весеннѣхъ сѣвѣстяхъ, отовсюду вѣнчайшій въ лопѣ»* разно прекрасна писать Бунина, — и письма вѣнчайшіи, томимы вѣнчайшими, но всегда великолѣблемъ, познаніемъ его мѣръ, — и читатели Бунина, словно письма по росистой, ралужной трапѣ, чувствуя — отъ поэтическаго физического присоединенія его словъ — особое блаженство, особую сѣвѣсть.

Слѣдующая вещь въ книжѣ повѣстіи *«Анна Зайкова. Ровны, тускловатый слогъ этого автора, его благородное дарование, лишеніе пѣнѣтельности, ого геронъ, — лаѣтъ Мартина Мартынчика, помѣшанъ Аркадій Иванычъ, умирающій отъ нефрита,*

наличность этихъ легендъ, такъ раздрѣбленъ, что иное мягкое слоно автора какъ-то даромъ пропадаетъ, теряется въ общемъ докучномъ узорѣ. И что уже вовсе не прѣмѣнено — это анахронизмы. Прочесть анахронизмы вѣстрѣющихся въ древ-

Оригинальная забастовка. (ПЕЧАТЬ)

Если существуетъ итальянская забастовка, то приходитъ найти какой-нибудь терминъ или аналогичнаго явилия, происходящаго сейчасъ въ Россіи. О чемъ разказывается сельский учителъ въ чрезвычайномъ интересномъ письмѣ, напечатанномъ въ посыпѣніи номеръ *«Днен.»* Вотъ что онъ сообщаетъ:

съ 1918 года сюда, сажаю на своеѣ надѣлѣ то, чѣмъ властіи не интересуютъ, въ чемъ люди не заинтѣресованы: брюкву, смокту, капусту (и не каштаны, а брюссельскую)... на посѣчкѣ сажаю картопку и сюда душистыя лекарственные травы. Кукурузу изѣю сюда, но это для голубей и кури. Голубей полонъ чордакъ. Птица вѣстимъ пинетресная, а плодовитая и вкусная.

Дѣйствія сбогомъ сть трудомъ вѣчнѣйшій существование учитель изѣбгаетъ на тицѣ власти. Предметомъ обложенія пѣть него.

Хотѣтъ продолжить вводъ, хоть пролѣзвестку, взять съ меня нечего, а сами сѣты.

Правда, на капусту обратился взглянуть начальство и ее приказано было въ кооперативѣ слѣдить по:

моя брюссельская капуста признана была для налога неподложной.

Не останавливаясь на описаніи тяжелаго положенія учителя на задержкахъ жалованія и т. п., слѣдуетъ еще отмѣтить отношеніе паселенія, чрезвычайно интересующаго всѣхъ происходящимъ въ посѣдѣ.

нелогичныхъ про克莱мий, которыхъ не знала откуда стали въ часъ полягать, а нароль какои то беѣстрашнѣй стѣть.

Но затрудненіе заключается въ томъ, что собирается пегѣтъ: школы за годы гражданской войны сильно пострадали, новѣйшіе по-троини и собираются въ квартиры учителя, гдѣ, конечно, очень тѣсно.

Крестьяне уѣбждаются меня привлечь къ моей избѣгать связи, чтобы попросторѣ было. Ноѣль, какъ известно, это согласіе: какъ бы въ кулачи не попасть, а потомъ очень просторная изба можетъ начальству поднабѣть Пеккану, еще реквизиуютъ. Лучше ужъ такъ въ тѣснотѣ.

Существуютъ всѣмъ странные взгляды на совсѣмъ-германскіе сотрудничество и въ особенности удивительное, что Луначарский, который какъ будто всюду выдвигаетъ германское искусство и науку, привлекъ также актіонное участіе въ этомъ изѣбѣательствѣ надъ Германіей.

Едва ли будешь ошибкой сказать, что только одинъ *«Berliner Tageblatt»* и занимается *«Саламандрами»*.

А парижскія газеты все еще заняты душево между собой по поводу *«несостоявшейся дуэли»* Гуковъ съ Денисовымъ. *«Посл. Нов.»* снова поинзываютъ на видимъ мѣстѣ сотни строкъ этой дуэли и объясняютъ впередъ дать еще объясненіе и отвѣтъ.

Пѣтушкинъ (обинавшій мѣщанинъ, которому прохожій бросаю въ лицо окурокъ) продолжаетъ попиновѣніе стоять... и если рука державшая пачку, иногда вздѣгивала, то это происходило исключительно отъ холода или отъ мускульного напряженія.

Вотъ это кокетливое «исклѣчительство», — пріемъ сомнительный, часто вѣтряющійся, хотѣтъ сказать, у Эренбурга, Зачѣмъ эта маска, заѣмъ не просто сказать (или показать), что человѣкъ былъ склоненъ, разсерженъ?

Литературный отблѣкъ завершается стихотвореніемъ Ходасевича, Оипуа, Адамовича и Лебедева. Изъ трехъ стихотвореній Ходасевича, первое можно легко выписать цѣлымъ: «Лѣбъ — мѣль. Бѣль гробъ. Сѣть поинь. Синъ стрѣль — донъ святъ! Скленъ сѣть, тѣль — въ адъ». Къ поиню оно относится не изѣбѣть, но какъ шутка высокаго мастера — забавно.

Зато остальная два стихотворенія прекраснѣю своей точностью и трепетностью. Изумительный поѣтъ.

Вѣтъ три стихотворенія Оипуа прѣспозиціи. Вирочемъ во второмъ изъ нихъ (гдѣ есть строки: «уже не разъ, но правда ли поинчили ты обрывалась въ сумракъ лединой!») Оипуа пытается подражать Ходасевичу, — не очень уѣгливо. О двухъ стихотвореніяхъ Адамовича — лучше умолчать. Этотъ тонкій, подчасъ блестящій литературный критикъ пишетъ стихи совершенно иначе.

Что бы сказать самъ авторъ если ему пришлося бы, какъ критику, оѣнѣнъ такій, напримѣръ, стихи: «кто эта женщина? Зачѣмъ лежитъ она сейчасъ со мною рядомъ?» Наконецъ, стихотвореніе Лебедева, — «о крѣвыхъ», — умѣло написано, во ровно никакого стѣда въ памятѣ не оставляетъ.

В. Сиринъ.